

Вечно ты

*Комплект из 3 книг
Марии Вороновой*

Мария Владимировна Воронова
Вечно ты. Комплект из 3
книг Марии Вороновой
Серия «Судьба не по рецепту.
Романы М. Вороновой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73916922

Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-245319-9

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

С состав входят: Вечно ты, Сестра молчания, Новая сестра.

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности

Вечно ты

И снова в романе Марии Вороновой ленинградские врачи – на этот раз психиатр и терапевт психиатрического отделения. Что же случилось в их доме скорби? Молодой генерал авиации Лев Корниенко, разжалованный и потерявший всё, заехал туда на лечение. По всем параметрам идеально здоров. Ни у психиатра, ни у терапевта нет ни одной претензии к его состоянию – а они должны быть! Ведь если по медицинским показаниям не отсрочить принудительное лечение, то оно

будет назначено Корниенко. И тогда генерал превратится в овощ. Так происходит в большинстве случаев, когда здорового человека лечат препаратами для людей с нарушениями. Генерал высказал то, что шло вразрез с основной линией – вот и оказался в психушке. Но сумасшедшим себя не признаёт, каяться отказывается. Что с ним делать? Насколько страшно идти против системы, если совесть не позволяет залечить здорового человека? Да и настолько ли система страшна и могущественна?

Сестра молчания

Действие романа происходит на фоне истории, которая разворачивается в Ленинграде после убийства С.М. Кирова. Благородные люди достойно продолжают трудиться – медики спасают больных, парторг организует жизнь партийной ячейки, даже следователи идут навстречу тем, кто обращается к ним с просьбой. И только Элеонора

Воинова, в прошлом княжна Львова, не может найти себе покоя – она боится высылки из города или ареста. Когда страдания и метания становятся невыносимыми, на помощь Элеоноре приходит молодая парторг Павлова. Которая, оказывается, не только кавалерист в юбке, но и живой сердечный человек. Но что смогут сделать две храбрых женщины против системы?

Новая сестра

Эта книга – продолжение цикла романов, главный из которых, «Здравствуй, сестра», начинается ещё до революции. Наряду с людьми из самых разных слоёв общества действуют любимые герои писателя Марии Вороновой – медики. Врачебная этика, врачебный юмор, врачебные тайны, врачебные интриги – всё это изобильно представлено в её романах... На этот раз

перед читателями предстанет Ленинград середины 30-х годов. Убийство Кирова, атмосфера того времени, и среди всех проблем, сложностей – горячая любовь, непоколебимая верность, человеческая порядочность, граничащая с самоотречением. Мария Воронова – мастер погружения в эпоху, к её персонажам привязываешься сразу и навсегда, в придуманные ею ситуации веришь безоговорочно. Так что новая книга Вороновой – новый подарок для сердца и ума!

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

Содержание

Вечно ты

8

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Мария Воронова

Вечно ты. Комплект из 3 книг Марии Вороновой

© М. В. Виноградова, текст, 2025

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Мария Воронова – практикующий хирург, а потому о хрупкости человеческой жизни, силе духа, благородстве и преданности она знает, возможно, больше, чем другие люди. Однако не у каждого из хирургов такой писательский талант, как у Марии Вороновой, ее

романы о том, что главное исцеление несет только любовь. Большая. Настоящая.

* * *

Вечно ты

Я прихожу на кладбище каждый день. Кладу свежие цветы взамен увядших, которые аккуратно выдергиваю из венков и букетов, густо покрывающих могильный холмик, поправляю траурные ленточки и пытаюсь убедить себя, будто это что-то значит. Не получается. Не с чего даже устать, чтобы хоть через мышечную боль и одышку прочувствовать смысл своих ежедневных походов. Может быть, этот смысл откроется мне позже, когда я поставлю настоящий памятник и разведу цветник?

Выбросив мусор в ржавый жестяной бак на перекрестке дорожек, возвращаюсь к могиле и сажусь на чужую скамейку, мысленно извиняясь перед ее владельцами, живыми и мертвыми. Лавочка шаткая, из двух бревнышек и наспех приколоченной к ним доски. От времени она завалилась вбок и стала похожа на военный самолет перед разбегом. И дерево с годами сделалось таким же серым, как военный самолет. В общем, конструкция ненадежная, но я все-таки сажусь. Плохо, если сломаю чужую вещь, но, с другой стороны, избавляю хозяев от необходимости падать с лавки.

Смотрю в небо, пытаюсь помолиться или разглядеть там какой-то знак, но ничего не вижу, только скупое и бледное ленинградское солнце осторожно гладит меня по щекам.

Наверное, это плохо, что я ничего не чувствую возле его

могилы. Никак не получается осознать, что этот холмик, украшенный цветами, лапником и траурными лентами, – место его последнего упокоения.

Зачем прихожу сюда, сама не знаю. Если загробная жизнь все-таки существует, то он думает обо мне всегда, а не только когда я навещаю его могилу. С глаз долой, из сердца вон – это не наш случай.

Нам приходилось расставаться, и расставаться надолго, судьба раскидывала нас по разным сторонам света, между нами бывали тысячи километров, а когда он уходил в автономку, то и многие метры тяжелой морской воды, но даже сквозь эти преграды мы чувствовали друг друга, были далеко, но все-таки рядом.

А теперь только пустота. Полтора метра мокрой серой глины разделяют нас надежнее, чем любые другие расстояния.

Не чувствую я его присутствия в этом живописном уголке кладбища, которое сдержанный ленинградский май уже раскрасил своей акварелью. На старом обрубок какого-то дерева пробиваются робкие побеги с новорожденными клейкими листочками. Жизнь побеждает, и я, наверное, должна утешаться, глядя на эту незамысловатую аллегория. Только мне от этой правды жизни ни горячо ни холодно, никак.

Поправляю загнувшуюся ленточку, пытаюсь убедить себя, что это как будто я подтыкаю ему одеяло, но не нахожу ничего общего между этими действиями. Вспоминаю свекровь,

которая каждую осень просила его укутывать лапником могилу своего мужа, мы специально брали для этого отпуск с захватом сентября. Тогда мне в голову не приходило спросить ее, правда ли ей становится легче и спокойнее на душе от этого ритуала. Смерть, могилы, это для стариков, а мы с мужем были молоды и собирались оставаться таковыми вечно.

В этом удаленном уголке кладбища нет старинных памятников, как возле полуразрушенной церквушки. Вот там можно увидеть много интересного. На уходящих в землю надгробиях проступают сквозь мох трогательные эпитафии с ятями и твердыми знаками, скорбящие мраморные ангелы мирно соседствуют с жизнеутверждающей статуей ответственного партийного работника. Скульптор почему-то изваял его со свернутой в трубочку газетой в руке, так что не совсем понятно, собирается товарищ произносить речь или лупить ко-та за испорченные тапки. Образ интригует, и я всегда улыбаюсь, проходя мимо него, и думаю, каким он был при жизни. Что делать, когда теряешь единственного близкого человека, поневоле обзаводишься потусторонними приятелями.

Среди наших соседей великих людей, похоже, нет. Нас окружают кресты из серого бетона с эмалевыми фотографиями или с пустым овальным следом от них и скромные мраморные стелы. Оградки стоят впритык, отчего с высоты птичьего полета наш участок, наверное, похож на шаль, связан-

ную из бабушкиных квадратиков. Кое-где виднеются жестяные пирамидки с красными звездами, правда, от долгих лет в суровых ленинградских туманах цвет скорее подразумевается, чем присутствует. Такие памятники называются обелисками, и, судя по ржавчине, последние поставили лет двадцать назад или еще раньше, а сейчас в моде прямоугольные надгробья, даже для тех, кто погиб при исполнении воинского долга. В перспективе это удобно, потом сын на нем подпишет мое имя, да и все. Как у соседей слева.

Мне немного неловко за свой суетный интерес, что я разглядываю памятники, как чужие сумочки и туфли, и что хочу сделать могилу красивой, хоть для мужа от этого ничего не изменится. Он так и останется мертвым.

Оглядываюсь и замечаю посетительницу, тоненькую девушку в старомодном платье с отложным воротничком. Кажется, я уже встречала ее возле свежей могилы, которая появилась здесь вскоре после нашей. После... Помню, когда я увидела среди серых надгробий пестрый нарядный холмик, понадобилось некоторое усилие осознать, что жизнь идет своим чередом, люди продолжают рождаться и умирать даже после того, как его не стало.

Девушка стоит возле могилы, неловко сутулясь и опустив глаза, видно, еще не обжилась в своем горе, а я разглядываю ее, как новенькую в классе. Русые волосы затянуты в хвост, открывая миру легкую изящную лопухость, аккуратный носик чуть вздернут, а губы тонкие, но прихотливого рисунка.

Не идеальная красота, но из тех лиц, на которые смотришь с удовольствием. Наверное, девушка сильно скорбит, и от этого кажется невзрачной.

Прикинув, как бы она выглядела с косметикой, прической и в модной одежде, я начинаю думать, кем она приходится нашему соседу. Задача непростая, тем более что я даже не знаю, кто там похоронен, мужчина или женщина, старый или молодой. Одно можно сказать почти со стопроцентной уверенностью – отношения были близкие, потому что если ты не горюешь по усопшему, то вечером среды найдешь себе более интересное занятие, чем поход на кладбище. Да и если горюешь... Я, например, хожу не за утешением, а просто потому, что не знаю, куда еще можно себя деть. Муж говорил, что всегда надо что-то делать и куда-то идти, особенно если делать нечего, а идти некуда. Вот я и иду. Но я уже пожилая, переделала почти все дела, которые положены женщинам в земной юдоли, а у девушки их наверняка еще непочатый край. Много есть для юности полезных занятий кроме как стоять в скорби и растерянности на краю могилы.

В выходные дни я прихожу по утрам, как все нормальные люди, и иногда встречаю возле этой могилки высокого мужчину с аристократически вытянутым лицом и красивой волной седых волос и женщину, которая в пятидесятые могла бы быть кинозвездой. Сразу понятно, что это муж и жена. Их сопровождает яркая молодая женщина, очевидно, дочь, которой повезло взять у родителей лучшее – отцовскую благо-

родную статью и материнское изящество. Когда я здороваюсь с ними, они отвечают милостивым кивком, в котором благосклонность и запрет на дальнейшее общение сочетаются с аптекарской точностью. Уж не знаю, врожденное ли это умение или достигается годами тренировок, но в любом случае я не в обиде. Понятно, что их настоящее место там, возле часовни, среди ангелов и старинных мраморных плит, и только по злой прихоти судьбы они оказались на нашей пролетарской непрестижной окраине. И чернь в моем лице должна это понимать. Я и понимаю, тем более что видок у меня в последнее время затрапезный, так сразу и не скажешь, что высшее образование. Сначала переезд, потом ремонт, в общем, давненько мы не обновляли наш гардероб. Все мечтали, как наведем красоту и заживем... А получилось, что зажила я одна, интересно, значит ли это, что мечта сбылась наполовину? Короче говоря, и правда надо побродить по магазинам, чтобы не принимали за дремучую селянку, у которой всегда наготове шкалик за пазухой, чтобы помянуть прямо на могилке.

Девушка все стоит, неестественно сложив руки, а я все разглядываю ее, гадая, кем же они все друг другу приходятся, что связывает благородное семейство, девушку и покойника.

Как и наш, их холмик пока безымянный, можно, конечно, подойти поближе, почитать ленты на венках, но любопытство во мне пока еще не побеждает чувство приличия.

Наконец девушка ловит мой взгляд. Я улыбаюсь, она быстро улыбается в ответ и тут же отводит глаза, но я успеваю заметить, как удивительно хороша ее улыбка. На какую-то долю секунды я даже забываю, зачем я здесь.

Хмурясь, наверное, для того, чтобы нейтрализовать неуместную на кладбище улыбку, девушка поправляет венки и уходит, а я остаюсь сидеть, не замечая, как наступают незаметные майские сумерки. Вдруг вспоминаю, как в студенческие годы муж говорил про белые ночи – «очень низкий титр темноты». А потом мы уехали служить далеко от Ленинграда, да и химию подзабыли.

Вокруг становится совсем тихо, кажется, я осталась на кладбище одна из живых. Может быть, уже и ворота закрыли, но ничего страшного, в суровой и неприступной кирпичной стене неподалеку есть дыра, сквозь которую можно пролезть без особого риска получить травму или выставить себя на посмешище. В любой ограде есть тайный лаз, кроме той, что разделяет мир живых и мир мертвых.

* * *

Несмотря на сухую и солнечную погоду, туфельки оказались основательно испачканы серой глиной, и дома Люда сразу взялась за щетку, но, как ни старалась, присохшая грязь никак не хотела отходить, только глубже забивалась в швы и в рельеф подошв, придавая туфлям совсем уж затра-

пезный сиротский вид. Лев бы в обморок упал от такого зрелища, сверкающая чистотой обувь была для него едва ли не главным мерилom добра и зла...

Оттого, что она подумала о Льве в прошедшем времени, по спине пробежал холодок, Люда поежилась. Он жив, и думать надо о нем как о живом, а то, что они больше никогда не увидятся, совсем не важно.

Мятый жестяной тубик явно был пуст, но Люда все-таки добыла из него пару молекул обувного крема. Так странно, еще год назад она спокойно ходила в чем попало, а теперь выйти из дому в нечищенной обуви для нее так же немислимо, как в нижнем белье.

Люда торопилась, но все-таки не успела. Мама вышла из комнаты и, взглянув на осыпавшуюся с туфель грязь, сразу поняла, что дочь была на кладбище.

– Как трогательно, – усмехнулась мама, – а нас с отцом когда в гроб загонишь, тоже будешь на могилку ходить? Слезки проливать и умиляться?

Люда молча пошла за веником. Что тут ответишь? «Нет, не буду» и «да, буду» прозвучат одинаково издевательски. Умиляться... Само по себе слово вроде бы хорошее, но мама его всегда произносит так, будто выплевывает, и кажется, будто умиление – одно из самых позорных занятий, которым только может предаваться человек. Что ж, наверное, Люда и правда не имеет права ни на какие чувства, кроме стыда и вины.

Поспешно убрав в прихожей, Люда проскользнула в свою комнату и легла. Скорее бы наступила ночь, а за ней утро. Она быстренько соберется, пока все еще спят, и поедет на работу, а по дороге зайдет в универсам к открытию, наберет продуктов для передачи. Вдруг выбросят что-нибудь дефицитное? Хорошо бы копченую колбасу, но этот калорийный и долго хранящийся продукт бывает только в закрытых распределителях для номенклатуры и редко-редко в продуктовых заказах на предприятиях. Ну и если дружишь с работниками торговли, тоже можешь достать. В прошлой жизни у Льва все это было, но он никогда не пользовался, говорил, что подобные штучки превращают человека в лакея, каким он категорически отказывается быть. Ну да что теперь об этом думать, официальный доступ к привилегиям закрыт, а прежние товарищи решительно вычеркнули Льва из своей жизни. Будто и не было у них никогда такого друга.

Завтра она купит на Невском шоколадных конфет для калорийности, но Лев мужчина, ему нужно мясо, и сладкое он вообще не любит. На рынке только если найдется что-нибудь подходящее, но там дорого, а денег не жалко, их просто нет. Отсутствуют. Зарплата ассистента кафедры невелика, и большая часть уходит в общий котел, остается как раз передачу собрать, но по магазинным, а не по рыночным ценам. В прежней жизни она попросила бы у родителей, они бы дали без всяких разговоров, но теперь, после всего, что она сделала, об этом не может быть и речи. Убийцам денег не дают.

Люда зажмурилась. Как стыдно, господи... Она должна предаваться угрызениям совести, а вместо этого думает о всяком житейском. Правильно бабушка называла ее холодной и бесчувственной эгоисткой, еще когда для всех остальных она была любимой девочкой. Раскусила внучку раньше других, но все равно любила.

Раньше так просто было жить, набедокуришь – не страшно, главное, осознать, раскаяться и попросить прощения. Рецепт проверенный. А в этот раз она даже осознать не может своей вины, поэтому родители и не прощают, хотя она к ним уже не раз приходила с повинной головой. Которую, по любимому присловью бабушки, меч не сечет.

Дверь скрипнула, приоткрываясь.

– Иди ужинать, – сказала Вера, как выплюнула.

– Спасибо, не хочу.

Вера вошла в комнату:

– Мы не КГБ, а ты не академик Сахаров, чтобы устраивать нам тут голодовки. Поверь, твои демонстрации никого не впечатлят и не заставят относиться к тебе иначе, чем ты заслуживаешь.

– Я просто не хочу есть, Верочка.

– Ты уже достаточно доставила родителям горя и хлопот, чтобы еще заставлять их волноваться о твоём здоровье, – отчеканила сестра, – поэтому изволь встать и выйти к столу.

Вера точно не собиралась возвращаться в столовую одна.

– Идем, – повторила сестра с нажимом, – думаешь, я в

восторге оттого, что приходится сидеть с тобой за одним столом? Но я терплю, потерпишь и ты.

* * *

Внезапно меня приглашает пить чай сама Регина Владимировна. Я немного удивлена неожиданной милостью, но беру свою чашку и иду к ней в кабинет.

Регина Владимировна ставит на стол начатую коробку конфет, из которой опытные доктора уже съели самые вкусные, оставив только с пронзительно-белой помадкой, наливает чай и участливо смотрит мне в глаза. Может, искренне, но профессиональный интерес равновероятен.

– Как вы? – спрашивает она мягко. Пожалуй, слишком мягко.

– Спасибо, справляюсь, – говорю я с такой же профессиональной улыбкой.

– Вы очень хорошо держитесь, Татьяна Ивановна.

Я снова благодарю и беру одну конфетку. Да, технолог на этой кондитерской фабрике явно не страдал излишним человеколюбием, но из вежливости можно и потерпеть противный кисло-сладкий вкус во рту.

Повисает не то чтобы неловкая, но довольно длинная пауза, и Регина Владимировна смотрит на часы:

– О, рабочий день-то уже закончился! Так, может быть, по две морские капли?

Я невольно вздрагиваю, услышав из ее уст любимое выражение мужа, а начальница достает из шкафа бутылку коньяка, видимо хорошего, судя по красивой этикетке. Впрочем, врачу ее уровня плохой коньяк не носят.

– Давайте, Татьяна Ивановна, только Минздрав в моем лице предупреждает, что в вашем положении с алкоголем надо быть очень осторожной.

Закрываю глаза, якобы смакуя коньяк, а на самом деле – пережить неожиданно приятное воспоминание о том далеком времени, когда я была в положении по-настоящему. Так давно это было и так радостно, что как будто и не со мной.

– Очень осторожной, – повторяет Регина Владимировна, – женский алкоголизм неизлечим, как мы с вами каждый день имеем неудовольствие наблюдать.

– Спасибо за предупреждение, но я не чувствую особой тяги, да и старовата уже спиваться.

– Алкоголизму, как и любви, все возрасты покорны, – смеется начальница и убирает бутылку.

Я привстаю, но она удерживает меня.

– Давайте еще по чашечке чаю?

Я киваю. Мне торопиться некуда, Регине Владимировне, кажется, тоже.

Это высокая стройная женщина средних лет, обладающая удивительным бесполом шиком. Лицо с крупными правильными чертами свежее, без косметики, густые волосы с сильной проседью подстрижены так коротко и ровно, что изда-

лека может показаться, будто начальница в стальной каске, сильные, классической лепки руки тщательно ухожены, но ногти без лака. Халат у нее тоже классический профессорский, двубортный, но шитый явно на заказ, и не из ситца, а из какой-то немнущейся импортной ткани. Строгий образ, но мужеподобной ее никак не назовешь. С другой стороны, и мужчина в таком виде не выглядел бы женственным.

– Мало что на свете есть такое же бесполезное, как непрошенный совет, – улыбается она, – но все же позволю себе его дать.

– А я с удовольствием приму его от вас.

– Помните, Татьяна Ивановна, целительную силу коллектива еще никто не отменял. Даже женского, – Регина Владимировна усмехается, – вы вообще не ждите горячего сочувствия.

– Господь с вами! Я человек сравнительно новый...

– Не в этом дело. Просто коллегам трудно вас жалеть, у нас половина разведенок, вторая вообще никогда не была замужем, а редкие семейные счастливицы завидуют вашему вдовьему положению, пожалуй, еще больше, чем одинокие. Такова жизнь, уж извините.

На всякий случай растягиваю губы в улыбке, пока до меня доходит горькая правда слов Регины Владимировны. Я и правда была слишком счастлива и почему-то решила, что так должно продолжаться всю мою жизнь, до последнего вздоха. Почему? С какой стати? Ведь по большей части женская до-

ля у нас незавидная. Ты или вообще не находишь мужика, или молодой муж внезапно обнаруживает, что еще не готов к семейной жизни, и бросает тебя с ребенком, а если остается, то это еще не гарантирует тебе счастья. Алкоголизм, увы, неумолимо собирает свою жатву, и когда видишь жен наших пациентов, то так сразу и не скажешь, кто из супругов больше нуждается в медицинской помощи. В общем, для рекламы крепкой советской семьи они вряд ли подойдут.

– Я и не жду особого отношения, Регина Владимировна, – заверяю я.

– Вы ведете себя идеально, ни малейших претензий у меня к вам нет! Просто горе легче проживается среди людей и повседневных забот и хлопот. Я даже думаю, что вам было бы полезно взять какую-нибудь общественную нагрузку.

– Политинформацию? – кисло уточняю я.

– Хотя бы.

– Но я путаю Международный олимпийский комитет с Организацией Объединенных Наций, а имя нового президента Америки запоминаю ближе к концу его срока.

– Вот заодно и подтянете уровень сознательности, – начальница хмурит брови, как будто опечалена моим невежеством всерьез.

Перспектива каждую неделю готовить доклад о текущих событиях, да еще и приходиться по средам на полчаса раньше, пугает меня до дрожи, и я снова уверяю начальницу в своей безнадежной аполитичности.

– Мне для жизни и работы, Регина Владимировна, вполне достаточно знать, что партия – наш рулевой и победа коммунизма неизбежна.

– Да?

– Да. Зачем еще забивать себе голову всякими нюансами, ведь политические убеждения не влияют на течение заболевания абсолютно никак. Что коммунисты, что монархисты, все болеют одинаково, это я прямо с гарантией могу утверждать.

Регина Владимировна с грустью смотрит на меня.

– Да, Татьяна Ивановна, – говорит она, – как у вас, терапевтов, все просто. У нас, психиатров, прямо скажем, по-другому.

Я пожимаю плечами:

– Кто на что учился.

Регина Владимировна выдерживает долгую паузу, во время которой я много о чем успеваю подумать. Например, о том, что не имею права ее осуждать, но говорить это вслух, конечно, неуместно, и я только улыбаюсь.

– Что ж, Татьяна Ивановна, хоть рабочее время кончилось, давайте все же на секундочку вернемся к делам нашим скорбным.

– Давайте! – Работать приятнее, чем вести душеспасительные разговоры.

Начальница передает мне историю болезни, довольно увесистую и уже изрядно потрепанную по углам.

– Нужно посмотреть пациента перед ИКТ.

Я киваю.

– И я вас попрошу отнестись к нему очень внимательно, – Регина Владимировна откашливается, – вдруг найдутся серьезные противопоказания?

– Конечно, найдутся, – беспечно начинаю я, но смотрю на титульный лист, и присказка, что нет людей здоровых, есть недообследованные, застревает у меня в горле.

Какие серьезные заболевания можно найти у генерал-майора ВВС, накануне поступления в психиатрическую больницу выписывавшего в небе мертвые петли? Задача со звездочкой.

– Вот именно, – вздыхает Регина Владимировна, – но поскольку вы в свое время меня за него просили, то теперь и я вас попрошу.

– Кто ищет... – Я быстро просматриваю приемный статус и перехожу к небрежно подклеенным квиткам анализов. Насколько мне помнится, бедняга в свое время тренировался в отряде космонавтов, и вот уж действительно космическое здоровье. Обычно хоть пара показателей если не выходит из нормы, то находится у нижней или верхней ее границы, а тут везде эталон. Прямо хоть в палату мер и весов отправляй товарища в качестве экспоната.

– Буквально не к чему придраться, – морщится начальница.

– А это обязательно? Инсулин я имею в виду.

– Как вам сказать... Я пока не назначаю, но сами понимаете, пациент на контроле. Могут спросить, почему не проводим ИКТ, раз нет эффекта от нейролептиков, и на этот случай хотелось бы прикрыться. Ну и вообще, мало ли что со мной может случиться, больной перейдет к другому врачу...

Я снова пролистываю историю болезни, теперь уже обращая внимание не на соматический, а на психиатрический статус. Что ж, полет диагностической мысли ясен, раз бедняга, несмотря на все усилия врачей, не признает себя сумасшедшим, значит, заболевание прогрессирует, соответственно, требуется сменить или дополнить схему терапии, и ни одна компетентная комиссия не поймет пассивной позиции лечащего врача, который видел ухудшение, но ничего не предпринимал. А вот если в истории будет запись терапевта, что введение больших доз инсулина опасно для жизни данного больного даже при соблюдении всех необходимых мер предосторожности, то это уже совсем другое дело. Врач – добросовестный социалистический труженик – старался, искал варианты, но не судьба. Медицинские противопоказания – они такие, против них не попрешь.

– Ну вот рентгена органов грудной клетки нет, – хватаюсь я за соломинку.

– На медкомиссии флюорографию делал, года не прошло. Так даже если и сделаем свежий снимок, вряд ли у него там крупозная пневмония.

– И полость рта санирована?

– Будьте уверены.

– Может, хоть онихомикоз? – спрашиваю с робкой надеждой. – У военных это сплошь и рядом.

Регина Владимировна картинно разводит руками, мол, чего нет, того нет.

– Да, это вызов, – смеюсь я, – но мы не привыкли отступать. Знаете что? Я сейчас напишу, что у него жалобы на сухость во рту, жажду, частое мочеиспускание, клинически заподозрю диабет и назначу контроль сахара, ну а там уж натянем на нарушение толерантности к глюкозе, плюс хронический панкреатит нарисуем. Не первый раз.

Начальница хмурится:

– Вот именно, Татьяна Ивановна, не первый. Не боитесь?

– Чего? Что я выставляю необоснованные противопоказания? Ну так простите, меня еще в институте учили, что если человек не в гипергликемической коме, то большие дозы инсулина ему вводить противопоказано.

– Да, Татьяна Ивановна, не понимаете вы еще специфики нашей работы, – тонко улыбается Регина Владимировна.

Но мне уже трудно остановиться:

– Пока что я понимаю, что после инсулиновой комы у шизофреника гораздо меньше шансов выздороветь, чем у здорового – превратиться в полного идиота.

– На Западе уже двадцать лет назад доказали полную клиническую неэффективность ИКТ, а у нас она до сих пор приветствуется, – вздыхает Регина Владимировна и вполголоса

добавляет: – Как любой метод, связанный с унижением и подавлением личности.

На всякий случай делаю вид, что не слышу. Мы обе знаем, что в наше время бессмертные строки «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» имеют не только тот смысл, что вкладывал в них поэт, но и гораздо более приземленный и грубый.

Достаю ручку и быстро накидываю стандартную консультацию. Жалобы, состояние, для уточнения диагноза необходимо...

– О, вы и биохимию назначили? – вздергивает бровь начальница. – Что ж, зная возможности нашей лаборатории, предвижу, что это отсрочка еще минимум на неделю.

– Неделя ничего не решает.

– Иногда нет, а иногда решает абсолютно все. Бывает, час решает.

– Или минута, – говорю я неожиданно севшим голосом.

– О, простите, простите, – она встает и мягким движением, в котором я чувствую больше профессионализма, чем мне бы хотелось, берет меня за локоть.

Улыбаюсь, мол, все в порядке. Во-первых, я далеко не в каждом слове вижу намек на безвременную смерть мужа, а во-вторых, и так помню о ней всегда. А сейчас, если честно, я думала о ребятах из организации «Молодая гвардия», которых расстреляли всего за неделю до освобождения Краснодона нашими войсками. Всего неделя, семь дней, которые

в обычной суете пролетают так быстро, что и не заметишь, отняли будущее у этих юношей и девушек. Они совершили великий подвиг, но не успели полюбить, родить детей и состариться. С годами я все чаще думаю об этом, юношеское восхищение героизмом сменила старческая скорбь и сожаление, что из-за страшной войны двадцать миллионов человек не узнали простой жизни, которая, может быть, скучна, но ради нее рождается человек.

И если подумать, так ли уж правильно, что люди, лично знающие инопланетян, или те, кто всего лишь позволил себе усомниться в том, что коммунизм – идеал и панацея от всех проблем человечества, сидят у нас в закрытом отделении, а те, кто посылает толпы вчерашних детей умирать и убивать друг друга, управляют миром? Нет ли здесь, если подумать, какого-то подвоха?

* * *

Выйдя из метро, Люда сразу увидела щуплую фигурку в джинсах и ковбойке с закатанными рукавами. Стоя возле киоска Союзпечати, Варя ела эскимо, откусывая такими большими кусками, будто это был хлеб. На ногах, как всегда, стоптанные кеды, белые и тонкие, как пух, волосики забраны в небрежный хвост аптечной резинкой. «Росомаха с туристскими наклонностями» – так припечатала бабушка, мастерица метких характеристик.

В глаза она, впрочем, называла девушку Варенькой, но это точно было не про нее. Варенька – это кружевные зонтики и дачные веранды в прошлом веке, долгие чаепития и блузки с камнями, визитные карточки и дворянская честь, словом, та безвозвратно ушедшая эпоха, дух которой изо всех сил пытается сохранить Людино семейство.

А тут Варя, или, как называет ее Лев, Варища, а чаще просто Дщерь. Люде часто приходилось делать усилие, чтобы не назвать ее так в глаза, так подходило ей это имя с мощным и каким-то даже раскатистым Щ.

– Мороженку хочешь? – Варя забрала у Люды одну сумку, и прокатились мышцы на тонких, как веточки, руках. – Ого!

– Ого-то ого, да ничего вкусенького. Апельсины только, но он не любит.

– Не любит, – вздохнула Варя и быстро зашагала к припаркованной за перекрестком «Победе», – но витамины должен получать.

– Я еще печенья напекла, сухого, без начинки, вдруг примут в этот раз?

Варя решительно покачала головой:

– Нет, не примут. Люда, они ничего домашнего не берут, пора бы уж запомнить.

– Ну вдруг... Я так старалась...

– Даже просить не стану, – отрезала Варя, усаживаясь на водительское место.

Люда с некоторой неловкостью устроилась на переднем

пассажи́рском.

– Варь, ну я еще понимаю – котлеты в прошлый раз не взяли...

– Кстати, спасибо, обалденно вкусные, – засмеялась Варя, – в последнее время не часто мне выпадает такая оказия – поесть домашнего.

Тут бы самое время заметить, что девушка обязана уметь готовить, и привести в пример себя самое, как человека, стряпающего обеды с восьмого класса, но Люда вместо этого только сказала, чтобы Варя забрала себе домой и печенье тоже, раз уж никак не получится пронести его мимо бдительных санитарок.

– Ой, спасибо!

– Но ты все-таки постарайся уговорить...

– Нет, Люда, даже пытаться не стану! – повторила Варя, с силой поворачивая ключ зажигания. – Санэпидрежим надо соблюдать. Они ж там не знают, мало ли как ты это печенье готовила, вдруг у тебя яйца сальмонеллезные, или панариций на пальце, или еще какая антисанитария?

– Варя, ты же знаешь, что у меня ничего такого нет. Я очень чистоплотная хозяйка!

– Но они-то этого не знают! И вообще, когда работаешь в сумасшедшем доме, лучше перестраховаться, потому что, я тебе скажу, что хуже пятидесяти психов могут быть только пятьдесят психов с поносом. Это реальный армагеддон, апокалипсис сегодня!

– Твой папа не псих.

– Да, но он там один такой на всю больницу.

– Ладно, ничего не поделаешь, – вздохнула Люда, вынимая из сумки пакет с печеньем и засовывая его в бардачок, где уже много чего разного было напихано. Когда они ездили со Львом, в ящичке царили чистота и порядок.

Как жаль, что мамы нет рядом! О, она бы заставила санитарочку принять передачу в полном объеме, с печеньем и со всем остальным, объяснила бы, что правила для черни, а благородным людям позволено чуть больше, чем низшему сословию, потому что они сами умеют себя контролировать и понимают, что к чему. И если уж несут домашнее печенье, то будьте уверены, что это идеальное печенье, в котором нет ни единого микроба и токсина, а, наоборот, сплошная польза. Она бы даже, наверное, и свидания добилась, несмотря на то, что по документам Льву никто. Вера тоже умеет поставить людей на место, а Люде этого полезного навыка бог не дал. Она сразу тушуетя и отступает при первых признаках опасности, трусиха.

– Ты подождешь меня? – спросила Варя, выруливая на Невский.

– Конечно, как всегда. Позагораю, похожу по парку.

– Смотри только не углубляйся, – Варя улыбнулась, – весна, пора любви, психи на воле и полны сил.

– Они же за оградой.

– Ну не скажи. Когда хорошо себя ведут, их выпускают

погулять. Не все же такие опасные, как папа, – Варя засмеялась, – однажды я ехала на велике мимо этой дурки, давно еще, до всего этого кошмара, и вдруг из кустов вываливаются два гаврика с таким блеском в глазах, что я сразу поняла – впереди ждет изнасилование, в лучшем случае кража велосипеда. Короче, никогда я с такой скоростью не крутила педали, ни до, ни после.

– Не догнали?

– Слава богу, нет. Но ты имей в виду, поэтому или в машине посиди, или хотя бы гуляй возле проходной, чтобы сразу добежать. Слушай, вот интересно, – перебила Варя сама себя, – я нисколько не верю во всю эту потустороннюю чушь типа предчувствий и экстрасенсов, и тем более никогда в жизни не думала, что кто-то из нашей семьи окажется дураком, но почему-то всегда мне было тоскливо, когда я проезжала мимо этой больнички. В детстве мы там постоянно на великах гоняли, и всегда мне становилось нехорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.